

Александр Трофимов

Епископ Тихон (Тихомиров)

Будущий исповедник Русской Православной Церкви епископ Тихон родился 26 августа 1882 г. в семье известного публициста, историка и общественного деятеля Льва Александровича Тихомирова, который писал в своих воспоминаниях: «Наш род принадлежит к коренным жителям Тульского края, насколько хватает семейных воспоминаний, был всегда духовного звания» [1].

Лев Александрович родился 19 января 1852 г. на Кавказе, в военном поселении Геленджик. Он окончил Керченскую гимназию и поступил в Московский университет. Принимал активное участие в революционном движении, был членом Исполнительного комитета «Народной воли», организовавшей убийство императора Александра II. 11 ноября 1873 г. Л. А. Тихомирова арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. Замечательна история его освобождения из тюрьмы, рассказанная современниками. Однажды император Александр II лично обходил заключенных в Петропавловской крепости; естественно, каждый из осужденных пытался сказать государю о своей невинности в надежде получить его защиту, но Тихомиров единственный честно признал себя заслуживающим наказания. Тогда император сказал, что не находит возможности содержать в одинаковом заключении столько «невинных» людей совместно с «преступником» и повелел освободить Тихомирова из заключения. Произошло это в начале 1878 г., после его четырехлетнего заключения в крепости.

В 1880 г. Лев Александрович женился на Екатерине Дмитриевне Сергеевой и в 1882 г. вместе с женой эмигрировал за границу, проживая в Швейцарии, а затем во Франции. К тому

времени у него уже возникли сомнения в целесообразности революционной деятельности, но тем не менее в Женеве он стал во главе «Вестника Народной воли». И только в 1888 г. он открыто выступил против прежних своих идей, напечатав книгу «Почему я перестал быть революционером» (М., 1888), которая сделала возможным его возвращение в Россию. В 1888 г. он написал прошение на Высочайшее Имя о помиловании и разрешении жить в России, что и было даровано ему Высочайшим повелением 10 декабря 1888 г.

Л. А. Тихомиров был глубоко православным человеком, в его трудах звучит искренняя и твердая вера в особую роль Церкви в истории народов. Он написал множество книг и статей, посвященных русской национальной идее, и стал самым крупным в России идеологом монархической власти. Итогом его трудов явилась книга «Монархическая государ-

Семья Тихомировых в эмиграции.
Слева направо: отец — Лев Александрович, Николай, Вера, мать — Екатерина Дмитриевна, Надежда, Александр, бабушка — Христина. Фото из архива о. Сергия Телицына

ственность» (1905, переиздание СПб., 1992). В своих исследованиях он пытался раскрыть, с точки зрения православного историка, «понимание тех законов, которыми живет человеческое общество и государство» [2].

При правлении П. А. Столыпина Л. А. Тихомиров был Высочайше пожалован чином статского советника и являлся членом кабинета министров. В 1907–1908 гг. он был членом Предсоборного Сопрошения.

Скончался Л. А. Тихомиров в возрасте 72 лет в октябре 1923 г. в Сергиевом Посаде, под сенью преподобного Сергия Радонежского и его великой лавры.

Вскоре после переезда в Швейцарию, 26 августа 1882 г., в семье Тихомировых родился сын, названный Александром.

Шестилетним мальчиком, в день его рождения, отец впервые привел сына в русскую церковь: «На Сашу, слава Богу, русская служба произвела огромное впечатление: он молился, видимо, с каким-то огромным желанием, все ему нравилось, все восторгало. По выходе из церкви он сейчас же, не дожидаясь моего вопроса, начал толковать, как хорошо в церкви...» [1].

В детстве Саша перенес тяжелейшее заболевание (менингит). Отец пишет об этом в воспоминаниях: «Мы ежедневно ждали смерти Саши, Боже мой, сколько я вынес! Я бы десять раз согласился сам умереть!.. Но не нами выбирается крест». Один из лечащих врачей сказал тогда: «От таких болезней не выздоравливают». Но совершилось чудо — мальчик начал постепенно выздоравливать.

Лев Александрович пишет: «Поправление Саши наполняло меня чем-то вроде благодарности неизвестно кому. Саша жил именно “под Богом”. Я ощущал таинственную силу... Религиозное чувство замечательно охватывало и привлекало мальчика, который, больной, хилый, был в то же время замечательно хорош душой, с какой-то особенной тонкостью духовного воспитания. Я учился верить в духовное начало, наблюдая этого милого ребенка и сам от него больше получал, кажется, нежели давал ему». Говоря о детских годах сына, Лев Александрович вспоминает, что с «детьми Саша сходилась туго».

В 1889 г. Александра окрестили. Восприемником стал Борис Дмитриевич Саблин, отставной поручик, инженер, восприемницей (заочно) — Ольга Новикова, за нее присутствовала мама.

Монах Тихон (Тихомиров) с послушниками Троице-Сергиевой лавры. Фото 1906 г. (?) из архива о. Сергия Телицына

«Саша держал себя так умно, мило, так серьезно относился к святому таинству, что сердце радовалось», — пишет отец в воспоминаниях.

В 1902 г. Александр Тихомиров поступил в Московскую духовную академию, где был пострижен в монашество с именем Тихон и вскоре был рукоположен в сан иеромонаха. Родители благословили сына на монашеский подвиг Иверской иконой Божией Матери. В академии он начал подвижническую жизнь, молился по ночам, почти не давая себе отдыха. Однажды из-за этого в его келье случился пожар. Он совершал келейное правило и задремал. Огарок свечи выпал из его рук, и огонь захватил пелену на аналое. Через несколько минут проходящий по коридору монашеского общежития

студент почувствовал запах гаря, вошел в келью и разбудил о. Тихона. Этот случай стал ему уроком — ничего подобного в его жизни более не повторялось. Но тот подвиг непрестанной молитвы, подвиг стояния на молитве, который он начал в студенческие годы, владыка Тихон исполнял всю свою жизнь.

В 1906 г. о. Тихон окончил академию со степенью кандидата богословия и был назначен преподавателем Новгородской семинарии. В 1907 г. его назначили помощником синодального ризничего, а с 1908 до 1913 г. он был преподавателем, а затем инспектором Вифанской духовной семинарии, находившейся неподалеку от Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Проживая многие годы в Москве, он сблизился с замечательными подвижниками — архимандритами Арсением (Чудновским) и Серафимом (Звездинским).

Известно, что о. Тихон сотрудничал в журнале «Голос Церкви», но сам в печати выступал нечасто. В 1915 г. он опубликовал в журнале статью «Аскетизм как основа русской культуры». Занимался также переводами. Как знатоку греческого языка, ему поручили перевод с греческого на славянский кондаков преподобного Романа Сладкопевца, что он с успехом исполнил.

По отзывам людей, близко знавших его в предреволюционные годы, был он истинным молитвенником, молчаливником, делателем непрестанной Иисусовой молитвы. Уже в годы московской жизни он нес особый молитвенный подвиг. Спал совсем мало, и только сидя, многие часы молился коленапоклоненно.

В 1913 г. о. Тихона назначили ректором Новгородской семинарии с возведением в сан архимандрита. Подробности его жизни в годы перед революцией нам, к сожалению, неизвестны. Однако совершенно несомненно, что уже к тому времени Господь дал ему благодатные дары прозорливости и старчества. Об этом свидетельствуют те, кто видел его на Череповецкой кафедре. Есть сведения, что после революции отец Тихон жил в Сергиевом Посаде или в его окрестностях.

В 1920 г. о. Тихон был хиротонисан во епископа Череповецкого, викария Новгородской епархии, и находился там до 1924 г. Повсюду в Церкви наступало обновленчество, поддерживаемое властями. В Череповце владыка Тихон твердо встал на защиту православия. Богослужения владыки проходили при переполненных храмах, он проповедовал, призывал стоять за православие и сам собственным примером являл образец истинно праведной, подвижнической жизни. Множество верующих приходили к владыке за советом и молитвенной помощью, многие узнали о его благодатных дарах, тогда разнеслась весть по северной земле, что есть в Череповце прозорливый владыка — старец. После службы часами ожидали люди возможности побеседовать с ним.

Приведем воспоминания о епископе Тихоне одного из его духовных чад.

«Услышал я, что служит в Череповце владыка прозорливый, много народу к нему ездит. Поехал и я в Череповец, хотел поговорить с владыкой (было мне тогда 19 лет). Прихожу в храм, где владыка служит, народу столько, что вошел с трудом. Появился владыка Тихон, медленно проходит среди народу, благословляет, а я не могу подойти. Помолился про себя: «Владыка, благослови» — и вдруг он обернулся и на расстоянии благословил. Стою в конце храма, молюсь. Подходит ко мне из алтаря послушник и говорит: «Владыка велел привести тебя в алтарь». В алтаре владыка благословил облачать его, хотел, чтобы я одел стихарь — я отказался, недостойн такой благодати. Потом много раз приходилось облачать его. Как владыка служил — это было Небо на земле.

Когда я приехал в другой раз в Череповец, попал на всенощную. Запели «Хвалите имя Господне», открылись царские врата, выходит в облачении владыка Тихон — и вдруг я увидел, что вместе с владыкой вышли святители и преподобные, и такое ангельское пение раздалось.

Владыка увидел меня в храме, после службы пригласил в алтарь, благословил, положил руку на голову и позвал к себе в келью чай пить. Такой простой был: «Пойдем ко мне, чаю поьем». А я так скорбел тогда, все сожалел, что женился. Вокруг такие великие обители, столько подвиж-

ников, старцев, а я вот грешник великий. Владыка меня успокоил, все мои грехи сам сказал тогда, потом сказал, чтобы я не расстраивался, благословил жить в браке. Он сказал тогда: «Жена у тебя хорошая и сын будет хороший, живи в браке по-христиански, храни ложе нескверно».

Он отец мой духовный и никогда в духе не расставался с ним, хотя его давно нет на земле. Как он меня встретил, какой любовью — простого, полуграмотного. В тот раз он всю мою жизнь будущую открыл, сказал, что будет у меня сын, который умрет молодым, что похороню всех родных и один останусь, предсказал и долгие годы жизни. Все-все сказал тогда владыка, что меня ожидает, какие скорби, искушения, болезни — и все исполнилось и исполняется».

Здесь же, в Череповце, на Вологодской земле, в 1920 г. владыка написал акафист преподобному Антонию Черноезерскому (память 17/30 января) — свой первый акафист. Видимо, не случайно выбрал владыка этого малозвестного новгородского подвижника XVI в., основавшего монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Черном озере неподалеку от Череповца.

Семья Тихомировых в Москве. Слева направо: отец — Лев Александрович, перомонах Тихон, мать — Екатерина Дмитриевна, Николай, Вера, Надежда. Фото из архива о. Сергия Телицына

Вспомним, что незадолго до написания акафиста на Всероссийском Поместном Соборе была утверждена служба «Всем святым, в земле Российской просиявшим», в которой прославлялись многие подвижники русской Северной Фиваиды. Да и сам владыка неразрывно связан был с Русским Севером: много лет жил под покровом обители преподобного Сергия, затем последовали годы служения в Великом Новгороде и, наконец, архиерейское служение в пределах Русской Фиваиды — в Вологодской земле.

Текст акафиста свидетельствует о том, что владыка бывал на Черном озере, служил в храме упраздненного в XVIII в. монастыря. В акафисте преподобному Антонию прославляется монашеский подвиг, подвиг великих отцов Северной Фиваиды. И через преподобного владыка молитвенно обращается ко всем преподобным отцам и подвижникам о помощи всем сохранившим верность Богу в лютое время гонений на Церковь и верующих. «Стена необоримая и прибежище спасительное буди... прибегающим и просящим твоего заступления в годину бед и напастей. Буди стена крепкая и покров надежный, ограждающая нас от всяких злослучений и козней... Радуйся, воине Царя Небесного, пополни нам победу противу плоти, мира и диавола» (икос 11).

В 1924 г. владыку Тихона назначили епископом Кирилловским, викарием Новгородской епархии, на место расстрелянного в 1918 г. епископа Варсонофия.

К приезду в Кириллов владыки Тихона многие храмы были заняты обновленцами. Власти строго следили за тем, поминают ли за богослужением имя патриарха Тихона. Священников, которые поминали патриарха, арестовывали, отправляли в ссылки и лагеря. По указанию властей священство епархии собралось на съезд, чтобы удалить епископа Тихона, как поминающего патриарха и не присоединившегося к обновленческому Высшему церковному управлению. Сам владыка не явился на этот «собор нечестивых». Большинство священников проголосовали за изгнание епископа Тихона. Голосовали в основном из страха попасть в ссылку или под расстрел. Только один на этом съезде — о. Сергий — обратился к собравшимся со словами: «Это великий светильник миру, а вы его изгоняете, каяться потом будете». Он пострадал за эти слова. Но многие из священства впоследствии приносили покаяние.

Иеромонах Тихон (Тихомиров) — преподаватель Новгородской духовной семинарии. Фото 1908 г.

После изгнания обновленцами владыка Тихон жил в Нило-Сорской пустыни, братия с радостью приняла его. Он постоянно служил в монастырском храме, в храмах и обителях вокруг Кириллова; особенно любил служить в Горницком монастыре, Ферапонтовом монастыре, в Ильинском храме на Цыпиной горе. Снова обратимся к воспоминаниям духовного чада владыки.

«Владыка много служил, я помогал ему облачаться, прислуживал в алтаре. Он часто брал меня с собой, когда выезжал на службы. Бывал у него в келье в Нило-Сорской пустыни, пили чай. Служил владыка строго по уставу, ничего не сокращая и не изменяя. Всенощная у него шла

по пять часов. Его очень любили, часто приглашали служить на приходы, но он ехал только тогда, когда был уверен, что не будет сокращать службы. Он говорил: «Не мы эти службы составили, в них каждое словечко значит многое. Духом Божиим составлены службы, как же можно опускать из них что-нибудь! Мы же не знаем, какие последствия будут от всех этих сокращений. Каяться надо тем, кто сокращает!»

Еще владыка говорил: «Если ты пастырь, то должен жить строго». Тех, кого он рукополагал во священники, жили по три дня в алтаре. Владыка брал с них обещание, что они самовольно не будут службы сокращать — только тогда рукополагал. Это был великий молитвенник и старец, и какой строгий к себе! Он почти не спал. 15 минут подремлет сидя — и снова встает на молитву — так целыми ночами напролет молился, а мало кто знал об этом.

В Рождественский пост обязательно читал молитву преподобного Ефрема Сирина. На Великом посту в первую седмицу не вкушал пищи совсем. Со второй седмицы в понедельник и вторник не вкушал пищи, не пил воды. В среду отслужит литургию Преждеосвященных даров, и после этого трапеза: смешает в стакане ржаные сухари, соленые грибы, немного чеснока — и все. Четверг — не вкушает. В пятницу после литургии — снова стакан сухарей с грибами. В воскресенье пил чай. И так весь Великий пост.

Если кто поел рыбы — владыка на следующий день не причащал, нужно день подождать, потому что с кровью еда. Очень почитал владыка святителя Николая, каждый день акафист ему читал».

В 1924 году Нило-Сорский монастырь был закрыт властями. Большая часть братии с игуменом

Иннокентием переселились в Предтеченский скит¹, однако небольшая часть монахов остались в монастыре. Какое-то время продолжал жить в обители после ее закрытия и владыка Тихон.

¹ В 1932 г. Предтеченский скит, «как не имеющий никакой исторической ценности», был снят местными властями с учета, исключен из ведения Кирилло-Белозерского музея и передан районному земельному отделу. В самой Нило-Сорской пустыни впоследствии разместилась колония преступников, потом инвалидный дом, в наши дни здесь психоневрологический диспансер.

Поводом для закрытия монастыря послужил отказ епископа Тихона и братии признать власть обновленческого синода и поминовение за богослужением Святейшего Патриарха Тихона, что было расценено властями как «контрреволюционное выступление». В Архиве Череповецкого ГАВО сохранилось заключение № 13 начальника АО (Административного отдела) от 16 июня 1924 г. о том, чтобы расторгнуть договор с общиной Нило-Сорской пустыни за то, что Кирилловский епископ Тихон поминал Святейшего Патриарха Тихона.

В резолюции записано: «Дело о контрреволюционных выступлениях епископа Кирилловского Тихона передать Г.О.Г.П.У.» (Городскому Отделу Главного Политического Управления) [3].

Владыку постоянно вызывали в ГПУ, однако ход делу дали не сразу, поначалу ему лишь запретили служить в Нило-Сорской пустыни, и он служил в местечке Сорове, в храме святых бессребренников Космы и Дамиана. Жил в доме священника, богослужение совершалось ежедневно, а молитвенная жизнь не прекращалась ни днем, ни ночью. По воспоминаниям бывших с ним в Сорове, служил он там как-то особенно пламенно, ярко. То было время огненной молитвы о России, о спасении ее от погружения во тьму и ужас безбожия. В Сорове его не видели спящим или отдыхающим.

Видимо, здесь родился у владыки замысел написать акафисты всем двенадцатым праздникам, которым акафисты еще не были составлены. В Сорове владыка написал четыре акафиста: Рождеству Пресвятой Богородицы, на Преображение Господне, на Лазарево воскресение, на Вознесение Господне. Первым из них был написан акафист Рождеству Пресвятой Богородицы. И дело не только в том, что этим праздником начинается

церковный год, Рождеству Пресвятой Богородицы посвящены были столь любимые владыкой обители — Черноозерская и Ферапонтова. Впоследствии, после освобождения из лагеря, владыка продолжил свой труд.

Владыка особо почтил и память небесных покровителей храма в Сорове — он исправил и дополнил акафист святым бессребренникам и чудотворцам Косме и Дамиану, в Риме пострадавшим (памяти их совершается 1/14 июля), и внес подстрочные дополнения и изменения на случай, если акафист читается святым бессребренникам Косме и Дамиану Асийским, память которых совершается 1/14 ноября.

Сохранилась фотография владыки, сидящего возле дома в Сорове, а также фотография его подвижника и сомолитвенника тех лет — игумена Иннокентия с дарственной надписью: «Дорогому Преосвященному Владыке Тихону от душевно преданного и благодарного Игумена Иннокентия в память о совместной жизни и служении в убогом, но дорогом по воспоминаниям Сорове».

В 1927 г. владыку арестовали и сослали на три года. В лагере он работал на лесоразработках — таскал бревна по колени, а то и по пояс в воде — и подорвал здоровье, стал совершенно неспособным к работам. Добрые люди помогли владыке выжить в лагере, но вышел он оттуда инвалидом. Ноги у него после лагеря всю жизнь болели, конечно, еще и от долгих стояний и коленопреклоненных молитв. На ногах у него кожи почти не было — сплошная рана. Как он стоял на службах, молился дня-

Владыка Тихон с матерью Екатериной Дмитриевной в г. Александрове. Фото 1930 г.(?) из архива о. Сергия Телицына

ми и ночами — трудно уразуметь, это была постоянная мучительная боль. На службах владыка иногда садился на табуретку.

После освобождения из лагеря владыка вместе с матерью Ермогеной (инокиней Горицкого монастыря под Кирилловом) скрывался у сестер и матери в Сергиевом Посаде, а затем уехал в Ярославль к своим духовным чадам. Здесь он жил буквально в подполье, в замаскированной комнатке. Матушка Ермогена тайно собирала милостыню, чтобы владыка не умер с голоду. Несмотря на тяжелейшие условия жизни, он много писал, составлял акафисты, постоянно был сосредоточенным и радостным. В 1931—1932 гг. владыка написал акафисты Рождеству Христову, на Сретение Господне, на Богоявление Господне, на Благовещение Пресвятой Богородицы. Таким образом, владыка почти завершил цикл акафистов двенадцатым праздником. Ненаписанным остался лишь акафист на Введение во храм Пресвятой Богородицы, но, быть может, он просто не дошел до нас.

Снова обратимся к воспоминаниям о владыке.

«В 1927 г. владыка уехал в Ярославль, там и жил на покое. Монахиня Ермогена ухаживала за ним. Мне два раза удалось приехать к нему в Ярославль. Он снова всю мою будущую жизнь открыл. Последний раз был у него в 1933 г. Он меня на прощание благословил и сказал: “Живи с Богом!” Посылал владыка записочки с оказиями. Однажды он срочно вызвал к себе женщину из духовных чад (она жила неподалеку). Та поехала к нему, исповедалась, причастилась, вернулась домой и почти в тот же день скончалась. Так владыка ее напутствовал в жизнь вечную.

Святейший Патриарх Алексий I его хорошо знал и почитал, даже предлагал епархию, но владыка не смог из-за болезни. Патриарх назначил ему пенсию. Говорят, что Святейший переписывался с владыкой Тихоном, когда бывали оказии в Ярославль».

Последние годы жизни владыка провел почти в затворе, в бедности, в крошечной келье, почти не разговаривая с окружающими, окормляя немногих духовных чад. В Ярославле почти никто не знал, что здесь живет архиерей — слух был, что какой-то старец есть в городе, к которому народ ездит. Это был великий молитвенник за Церковь, Отчизну и народ. Долгие часы молился он в своей келье стоя на коленях.

Епископ Кирилловский Тихон, викарий Новгородской епархии

Перед кончиной владыка долго болел, не мог вставать с постели. Господь открыл ему день кончины. Когда в этот день вызвали врача и хотели сделать укол, владыка сказал: «Не надо больше уколов, я отойду сегодня». Благословил всех, каждому сказал слово, сложил руки на груди, попросил дать ему зажженную свечу и отошел ко Господу. Прозошло это 26 марта 1955 г. — тот день была суббота перед Прощеным воскресеньем.

Облачал его после кончины иеромонах Никодим (Ротов) — будущий митрополит Ленинградский и Новгородский — он служил тогда в Ярославской епархии и был духовным чадом владыки Тихона. Когда он увидел ноги владыки — заплакал: на них почти не было кожи и текла какая-то жидкость. Как

владыка терпел это, столько выстаивал на молитвах и никогда не жаловался, окружающие даже не знали о его болезни!

После того как владыку облачили и внесли в храм, все явно почувствовали благоухание, которое сохранилось и на пути к кладбищу. Отпевание совершил иеромонах Никодим. Когда владыку хоронили, даже транспорт остановился — собралось множество верующих, гроб на руках несли на кладбище с пением. В этот же день многие узнали, что рядом с ними жил архиерей и великий старец, — плакали и сокрушались, предлагали помощь. Погребли владыку Тихона на Туговой горе в Ярославле. При погребении местный архиерей сказал огромной толпе собравшихся: «Вот все мы жили в этом городе и не знали, какой светильник скрывается у нас под спудом». Этой же ночью иеромонах Никодим поставил на могиле памятник.

Когда Святейшему Патриарху Алексию I сообщили о кончине владыки Тихона, он назначил пенсию матушке Ермогене, которая ухаживала за владыкой до последних дней его. Владыка сам постриг ее в монашество с именем в честь священномученика патриарха Ермогена. В миру ее имя было Иулиания. Сохранилась икона святого патриарха Ермогена — благословение владыки — с надписью: «Господь сохранит тя от всякаго зла, сохранит душу твою Господь» (Пс. 120, 7). Верной Богу, кроткой, милосердной и доброй м. Иулиании в знак сердечной благодарности на дальнейшие труды и на обручение со Христом, Небесным Женихом нашим, с девственными ликами благоудивших Ему от Е[пископа] Т[ихона]».

Мать Ермогена скончалась через два года после смерти владыки так же, как и он, в субботу перед Прощеным воскресеньем. Все эти годы иеромонах Никодим материально поддерживал матушку. Он же и похоронил ее рядом с владыкой Тихоном и поставил памятник на могиле.

И после кончины своей владыка Тихон не оставляет духовных детей своих. Об этом говорят строки воспоминаний А. Ф. Грошева:

«После кончины владыка мне несколько раз приснился. Первый раз так: стою я в храме — вдруг открываются царские врата, из которых выходит владыка и зовет меня со словами: “Что же ты не подошел под благословление?” Второй раз увидел владыку во сне, подбежал к нему, попросил благословения, а он обнял меня, прижал к груди и поцеловал.

В другой раз приснился мне владыка плачущим — и через несколько дней меня парализовало. Долго болел, но с Божией помощью поправился. Однажды облачал владыку во сне.

Еще один сон: стою я один в храме и вижу, что храм загорелся, огонь подступает со всех сторон. Тогда открываются царские врата, выходит из них владыка Тихон в полном архиерейском облачении и зовет меня к себе.

Еще хочу рассказать об одной радости — когда будто увидел снова живого владыку Тихона. Было это в Егорьевске, в храме, где служил тогда о. Валентин Парамонов. Зашел в храм — там шло отпевание. Стою, молюсь — служит какой-то епископ, и показалось мне, что это владыка Тихон. Служил он по полному чину, ничего не сокращал, как и владыка. Такая радость у меня на сердце, как будто вижу владыку воскресшего, кадит так же, возгласы дает так же, читает так же. Оказалось, служил митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. Подошел к нему за благословением. Он спросил мое имя и благословил, потом в алтаре вынул частичку за меня.

После службы я сказал ему, что он служит как владыка Тихон. Оказалось, что владыка Никодим был духовным чадом владыки Тихона. Он отпевал владыку Тихона и хоронил его. Он многое взял от отца своего духовного, многому научился. И потом он поминал меня и молился, хо-

Епископ Тихон за несколько месяцев до смерти. Ярославль 1950 г.

тя мы больше не виделись.

Земля с могилки владыки Тихона исцеляет, приходится подсыпать, так как люди разбирают. От многих недугов и скорбей помогает, если обратиться к нему, — великий он молитвенник пред Богом».

Жизнеописание святителя Тихона (Тихомирова) составлено по материалам, собранным священником Вологодской епархии о. Сергием Телицыным. Используются также воспоминания протонеря Валентина Парамонова, Александра Феодоровича Грошева, Анны Телицыной, Марии Телицыной, Анны Медведевой.

Литература

1. Воспоминания Льва Тихомирова. М., 1928.

2. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

3. Архив Череповецкого филиала ГАВО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 30. Л. 48.